

**С. Э. Ермаков
Д. А. Гаврилов**

Опора Мироздания

**Мировое Дерево и Скала Времени
в традиционной культуре**

Обычай веков

Дмитрий Гаврилов

**Опора Мироздания. Мировое
древо и Скала Вре́мён в
традиционной культуре**

«Гаврилов Дмитрий »

«Ермаков Станислав»

2009

УДК 291:82(091):008

ББК 86.2:82.3(0)

Гаврилов Д. А.

Опора Мироздания. Мировое древо и Скала Вре́мён в традиционной культуре / Д. А. Гаврилов — «Гаврилов Дмитрий», «Ермаков Станислав», 2009 — (Обычай веков)

ISBN 978-5-98882-085-7

В новой книге серии уже известные многим читателям авторы рассматривают два основополагающих понятия традиционной культуры индоевропейцев, пару, известную как Мировое древо и Мировая гора. Авторы сознательно не предлагают готовых решений, но поднимают проблемы, важные именно сегодня. Иначе говоря, перед вами – отчасти экспериментальное издание, одинаково интересное как «физикам», так и «лирикам». Образы Перводрева и Первокамня рассмотрены в контексте как хорошо известных, так и совершенно неожиданных для многих читателей параллелей в области мифологии, психологии, этнопсихологии и современных точных наук. Книга богато иллюстрирована и включает не только теорию, но и своеобразную практику.

УДК 291:82(091):008

ББК 86.2:82.3(0)

ISBN 978-5-98882-085-7

© Гаврилов Д. А., 2009

© Гаврилов Дмитрий , 2009

© Ермаков Станислав, 2009

Содержание

От авторов	6
У подножия Древа...	8
Несколько предпосылок	10
Вселенная древних славян	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Станислав Ермаков, Дмитрий Гаврилов Опора Мироздания. Мировое древо и Скала Времён в традиционной культуре

*Есть в мире гора, крутохолмная Меру,
Нельзя ей найти ни сравненье, ни меру.
В надмирной красе, в недоступном пространстве,
Сверкает она в золотистом убранстве <...>
Одега вершина ее жемчугами.
Сокрыта вершина ее облаками.
На этой вершине, в жемчужном чертоге,
Уселись однажды небесные Боги...*

«Махабхарата», пер. С. Липкина

От авторов

Время и пространство – основополагающие понятия при описании мира в рамках той или иной культурной традиции.

Однако зачем нам сегодня, помимо сугубо познавательного интереса, углубляться в древнейшие представления о Мироздании, свойственные нашим предкам? Ведь мы не можем не понимать, что Земля – не плоская, что Солнце – звезда, одна из многих, причём особо не выдающаяся. Равно как мы, скорее всего, согласимся: Мирового древа именно как «суперрастения» нет. Это – удачная, чрезвычайно ёмкая метафора. Но... бесполезна ли она? Только для сторонника механистического подхода к окружающему... «По мере развития наук наш мир становится всё менее человеческим. Человек ощущает себя изолированным в космосе, поскольку его связи с природой разорваны, а эмоциональное “подсознательное единение” с явлениями природы утеряно. <...> Нет больше связи с природой, нет и той глубоко эмоциональной энергии, возникавшей от этого символического единения» (Юнг, 2008, с. 95).

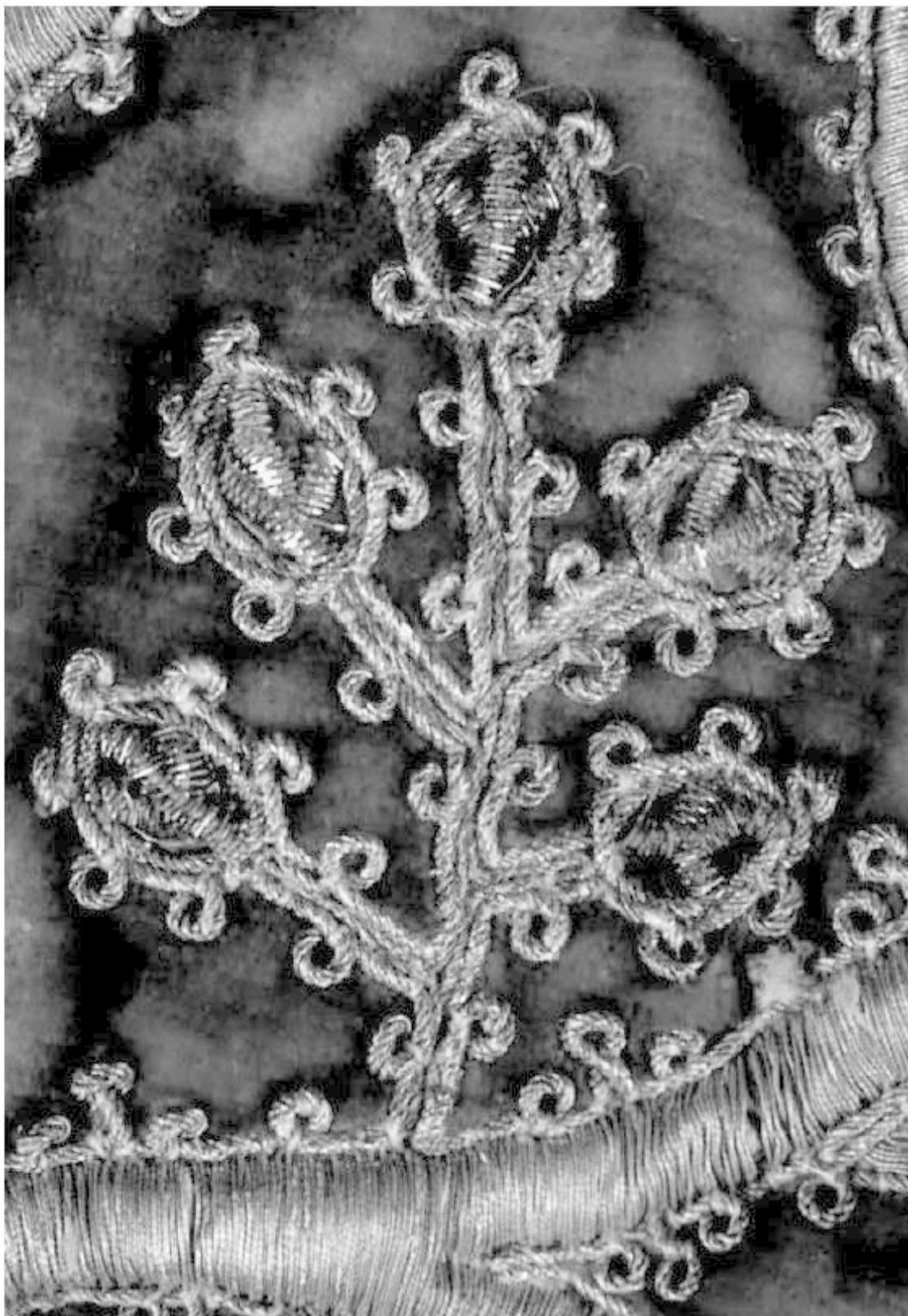
О ещё одной составляющей этой же проблемы мы говорили в наших предыдущих работах неоднократно. Речь идёт о разрыве между тягой к священному и «профанным» укладом современной жизни, метко подмеченной ещё одним выдающимся учёным, М. Элиаде.

Лозунг «назад, к Природе» в нынешних условиях едва ли возможен, а воплотить эту идею в действительность можно только в виде явного или скрытого бегства. Так будет продолжаться до тех пор, пока не произойдут некие существенные сдвиги в общественном сознании. Если они, конечно, вообще произойдут.

Однако остаётся иной путь – изменение себя и противодействие личной оторванности от живого Космоса. В этом случае, поскольку человеческое мышление в значительной мере строится на основе архетипов, тем более уместно внимание к мифологии как к их наиболее яркому выражению. Возвращение к Природе – задача скорее мировоззренческая и психологическая. Думается, для её решения уместно и обращение к тем или иным прикладным приёмам, которые позволят современному жителю города пережить, а в идеале и закрепить это удивительное чувство единения с миром.

Мы понимаем: можно сколь угодно точно восстанавливать мифы и собрать огромное количество более или менее достоверных цитат из первоисточников, однако без постижения обычая на деле, на собственном опыте всё додуманное так и останется спекулятивными отстранёнными рассуждениями. А просто заниматься сочинительством – себя не уважать. Вот почему в этой книге серии мы предлагаем читателям своего рода эксперимент или, если угодно, игру.

Мы попытались соединить под одной обложкой разные способы описания предмета наших разысканий, представлений о пространстве и Мировой оси как опоре мироздания в традиционной культуре восточных славян в сравнении с рядом других – и исследовательский, и образно-мифологический, и прикладной. Естественно, их не следует смешивать – не случайно соответствующие абзацы вынесены в отдельные разделы и визуально выделены. Однако мы полагаем, что нет у нас иного способа хотя бы приблизиться к полноте мироощущения и к пониманию важнейших составляющих традиционной культуры, кроме как постараться воссоздать то мифологическое мышление, которое было присуще нашим предкам.

Деталь традиционного женского головного убора – кокошника (Центральная Россия). Вышито Мировое древо (?), более всего, на наш взгляд, напоминающее вербу

У подножия Древа...

Мир – живой. Его исток в точке Начала Начал – из семени-зародыша и развивается, разрастается во всеохватное Древо, подчиняясь пока смутно осознаваемым человеком законам. Ветви этого Древа пронизывают Вселенную, проникают сквозь все миры и пространства, наполняя их жизнью, удерживая их в изначально предзаданном порядке. Перед этим Древом отступает первоначальное ничто, чтобы преобразоваться в нечто совершенно новое, хотя и всегда узнаваемое. У корней Древа рождаются Боги. Да они и сами являются частью этого дивного и величественного Первосущества, которое соединяет в себе то, что было, то, что есть, и то, чему ещё только суждено произойти. Листва его подобна звёздам, что сияют в бездонных глубинах неба в ясную ночь, донося до Земли свет души наших предков. Золотые солнцеподобные, похожие на спелые яблоки плоды его столь же загадочны, как и людские искания, ибо, представая в облике ярком, порою могут оказаться отнюдь не тем, что вроде ожидали мы, однако никогда не теряют своей волшебной притягательной силы. Они могут даровать жизнь, а могут отправить в чертоги Владыки Мёртвых.

Сок Древа – вода, живая и мёртвая, она струится по его порам-жилам, принося жизненную силу и надежду на новое рождение всем живым существам, сколько бы их ни было в Срединном мире. Следуя течению того сока, можно подняться высоко-высоко, во владения небесных богов и спуститься в глубочайшие глубины тех царств, кои расположены столь далеко от нас, что о них и некому даже поведать людям. Но злоупотребивший напитком бессмертия житель Срединного мира губит себя...

Змей – сотрясатель земель обитает у Древа корней, в водах у его подножия ныряет в погоне за рыбой чудесный бобр, а в кроне его кроются вещи птицы. Пьёт воду хрустальной чистоты золотокудрый барашек. Дивные существа то прячутся за могучим железнобоким стволом его, то перескакивают с ветви на ветвь – когда похожие на невиданных зверей, а когда обретающие привычный нашим глазам облик лесных животных. Тянутся к листьям его две дивные небесные оленихи, и бродит поблизости чудо-корова. И зреют вокруг Древа хлеба на праздничный каравай.

С какой стороны ни подойти к Древу, сколь ни взглядываться в него – оно и неизменно, и переменчиво. С того боку – зима, с этого – осень... а там, гляди-ка: и лето с весною рядышком пригрелись. То ли Древо – Дуб, всем дубам Праотец, то ли берёзка нежная, всех берёз ласковой. А то суховатая алогроздая и грустная рябина... Ан, нет! Это же громадный побег фасоли, почему-то пустивший несколько хвоистых веток! Или... или всё же это – духмяный вьющийся хмель?

Под Древом не только рождаются боги и богатыри. У него заключают брачные союзы и выносят решения представители рода человеческого. Здесь боги и пращурь, спускаясь по Древу, аки по лестнице, делятся с людьми мудростью.

Всё в нём. Всё от него. И жуужжат в жаркий июльский полдень близ липовых цветов пчёлы. И переливаются жемчугом волшебным снежинки на сосновых иголках... Каждая иголка подобна всему Древу.

Стоит Древо в местах знакомых и неизвестных, далёких и совсем-совсем близких, опираясь на Камень, что всем камням камень. Он велик как гора, до самого неба достаёт вершиною. Подпирает небо собою, сверкая то ярче Солнышка ясного, то отливая марью сумеречной, иных миров отблеском. Он мал, как мельчайшая крупинка в ручье, но что пред ним всё золото мира, которое от него же и пошло!

Искали-тропили путь к камню славнейшие из людей в разные времена, да мало кому довелось увидеть его воочию. Из увидевших же не всяк постигнуть смог, чего именно лицезреть удостоен.

Омывают камень благоуханные прозрачные воды ключей, что стекают по нему, омывая, разделяясь и сливаясь вновь в единое целое.

И высится камень, отливая то золотом, то синевой, то адамантовым, то яхонтовым блеском.

И стоит Древо за веком век, строгий судия и воплощённое милосердие одновременно. Всеобъемлющее и каждый год обновляющееся. На корочун вроде бы и слабеет, да потом вновь наливается силушкой ко Великодню. Прячется по весне за туманами и облаками, но разгоняет их к концу лета, являя миру новый урожай.

Древо, неоглядное и присутствующее в каждом, даже самом малом росточке и побеге. Качаются на ветвях его и Солнце, и Луна, и другие небесные светила. И стоять ему так веки вечные, да не за тридцать земель и в тридесятом царстве – здесь и сейчас, совсем рядышком. Только приглядись – узришь. А прочее же – по пониманию приходит.

Несколько предпосылок

Кое-что о приёмах и методах исследования. – Мировая ось, внутреннее и внешнее. – Необходимость идеи Оси.

Сегодня не только в науке, но и в «массовом сознании» распространено суждение о малости дошедших до наших дней следов языческого миропонимания. Но, даже оставаясь на совсем академических позициях, безоговорочно соглашаться с ним не стоит. Мало осталось того, что мы можем однозначно истолковать как «языческое» и считать его сохранившимся со времён распространения среди славян природной веры. Однако сведений для обобщения, сопоставления и восстановления в достаточно целостном виде древнего миропонимания и, следовательно, основ веры наших предков достаточно. Дело за умением и желанием извлечь таковые сведения из источников. Делать это нужно непредвзято, избегая бездоказательных утверждений в духе псевдооткровений.

Возможно, стоит вначале выстроить общую «матрицу», своего рода структурный каркас того, какой она *могла быть*, – на основе сопоставления с тем, что нам известно о природной вере вообще, о ключевых представлениях людей прошлого, о реалиях их жизни – и вот на таком фундаменте создавать собственно реконструкцию? Иначе говоря, вместо привычной индукции (метода умозаключений от частного к общему, введённого Роджером Бэконом и прославленного устами героя Конан Дойля) прибегнуть к дедукции (то есть к умозаключению от общего к частному), – не забывая, конечно, выполнять перекрёстную проверку.

Среди людей, интересующихся славянской мифологией, нет единства, зато есть огромное количество споров, чаще всего агрессивных и бесплодных. Причина такого их количества – если отбросить низменные душевные устремления отдельных личностей и их слабости – в неграмотности и некомпетентности спорящих, в незнании ими правил ведения научных исследований и т. п.

Вторая же причина, на наш взгляд, в своеобразном подходе к частностям и склонности, в конце концов, теряться в них. Обсуждение того, сколько горшков и как именно следует разбить в обрядовых целях при тех или иных обстоятельствах – несомненно, достойное дело. При условии, что мы **знаем, зачем вообще нужно** разбивать эти горшки. Это и было общим, то есть основой древнего обычая...

Думается, вот какого подхода очень не хватает сегодня исследователям духовной культуры прошлого: основанного на ключевых понятиях традиционного мировосприятия, исполненного не откровений, но содержательного смысла, с одной стороны, глубоко практического, опирающегося на древнейшие слои памяти, с другой – способного развиваться, соответствовать современным условиям.

Поэтому нам кажется важным вести разыскания именно в направлении определения упомянутых «ключевых точек», осмысливать то, как их представляет себе человек, живущий по обычаю. Собранные сведения можно и нужно рассматривать пристрастно, выделяя в них поздние наслоения и заимствования. Имея в наличии запас «первооснов», «набор смыслов», мы получим удивительную возможность выстроить, восстановить на получившейся основе и недостающее.

* * *

В центре Мироздания мифологии большинства народов помещают Древо либо Гору, которые выступают в качестве воплощения Мировой оси и пребывают в центре Вселенной.

Естественно, это метафорическое описание, а поскольку разночтений в представлении о таком символическом центре Мира довольно много, стоит учесть следующее.

Миф – совокупность неких сведений, информация, зашифрованная особым образом, свод традиционных установлений, изложенных в виде символов и т. д. Он может быть рассмотрен как культурный код (или знаковообразный текст), понятный тому, кто знает к ним ключ. В данном случае таковыми могут выступать носители мифологического сознания. Осмелимся думать, что владение подобными ключами играло существенную роль в обмене знаниями в древних обществах. Да, собственно, других способов обмена ими и не существовало – только образно-символическая передача.

«Благодаря культурной традиции космологическая модель мира с не основными миро-организующими параметрами во все эпохи присутствует в общественном сознании людей как некое хранилище метафизических смыслов миропорядка и в различных формах воплощается в социальной практике и социальных отношениях. Такими формами выступают языческая обрядность, лежащая в основе всех народных культур; идеалы и принципы всех мировых религий, народные сказки, детская субкультура, организация социального пространства, сюжетные мотивы массовой культуры, семантика изобразительного искусства, структурное содержание социальных утопий и др.» (Василькова, 2002).

В прошлом, скорее всего, существовали разные культурные коды для разных групп населения. Помимо очевидных различий по общественному положению, то есть вертикальных, отмечена и «иерархия» горизонтальная – основанная на гендерном или профессиональном различии (см., например, Элиаде, 1999б). С учётом затруднённости информационных связей между удалёнными областями естественно ожидать появления немалых различий в деталях таких знаковых кодов, их многочисленности. Это объяснит, например, и отсутствие единого мифа о творении мира у славян, и бессмысленность потуг его воссоздания. Также в определённой среде и в разное время, видимо, возникали и «профессиональные» космогонические мифы. Однако «...некоторые типы мышления стали, похоже, совершенно чуждыми большинству наших современников» (Генон, 2002, с. 87).

Вселенский дуб на картине современного польского художника Яцека Йерки. Извечная идея в осмыслении живописца обретает новые, но тем не менее весьма соответствующие преданию мотивы

Образы *Мирового древа*, *Мировой горы* тоже могут быть рассмотрены как своего рода код, послание. Владея образным языком мифа, мы в силах воспринять его со степенью точности, которая обусловлена нашим владением этим языком. При этом, конечно, следует отдавать себе отчёт в том, что мировая ось может приобретать различный облик и, возможно, первична даже по отношению ко всей Вселенной:

«Б. Л. Огибенин в монографии по космогонии “Ригведы” настаивает на том, что отделение неба от земли – элементарный космогонический акт, ознаменовавший переход от неорганизованного мира к организованной ведийской вселенной, включающей в себя пространство между небом и землей и представляющей таким образом систему из трех зон. Средняя зона является ареной посредничества между двумя полюсами космоса. В ритуале эта средняя зона символизируется жертвенным столпом, горой, осью, колонной, тронном, космическим деревом» (Мелетинский, 1971).

Одна из задач мифа – описание и объяснение воспринимаемой действительности. Постепенно складывается предание, которое объясняет, почему Мир таков. Но верно и обратное: изменение знаний о Мире влечёт за собой изменение мифа или поправки в нём, а также рождение новых толкований.

«Мировое Дерево (лат. *Arbor Mundi*, “древо жизни”, “древо плодородия”, “древо центра”, “древо восхождения”, “небесное древо”, “шаманское древо”, “мистическое древо”, “древо познания” и т. д.) – один из наиболее интересных и красноречивых примеров того, как мифологическое сознание осваивает мир, организуя его и отвоевывая тем самым у Хаоса» (Юдин, 1999, с. 36).

Таковы общие предпосылки исследования. Однако, говоря о мифе в контексте отражения им пространства как одной из составляющих Мироздания, мы оказываемся в некотором затруднении. Миф – не только и не столько символ, как полагал А. Ф. Лосев. Миф – нечто гораздо большее.

«Одна из важнейших функций мифа – способствование нахождению человеком своего места-в-мире, формирование его путем моментального схватывания-осознания, заставания себя-в-мире в определенном месте и в определенной ситуации, раз и навсегда данным. Миф – способ вписывания себя в мир, нахождение в нем своего топоса, изначально и естественно человеку присущего (топос человеческого – “естественное место” человека). Способ вписывания – отождествление себя со своим местом-вмире, и собственно с миром (предельный случай – мифологема тождества микро- и макрокосма). Миф, в том числе миф о происхождении, есть способ этого отождествления» (Саврасов, 2000, с. 84).

Почему интересен именно древнейший пласт мифа? Если вновь обратиться к параллелям из области психологии, он в известной степени тождествен моменту индивидуации, тому, можно сказать, катарсису, который испытывает человек в миг осознания себя как думающей, мыслящей личности. При этом личности не только отдельной, но и такой, которая является частью сообщества (семьи, рода, племени или иного объединения людей). Именно в таком соединении человек и становится тем, чем он в значительной степени является: отдельной индивидуальностью и частью большего целого¹. Полагаем, подлинный – если угодно, изначальный – миф оказывается тем инвариантом, который органично, естественным образом, объединяет несоединимое, позволяя находить взаимосвязь множества процессов и явлений. Это, с одной стороны, позволяет отличить обрывки мифов и доподлинно архаичные мифологические сюжеты от современных подделок под них, а с другой открывает возможность проследить те или иные реалии окружающей действительности, осмысление которых приводило к складыванию мифа.

Вообще объяснять появление мифа какой-либо одной причиной, скорее всего, бесперспективно. Миф описывает совокупность явлений, которые представляются в рамках мифологического сознания связанными между собой, пусть даже с точки зрения научной они не родственны.

Хотя «в основе мифа, так и в основе так называемой научной данности лежит некоторый изначальный, первичный, более или менее или же совершенно скрытый таинственный факт, исходный момент – “вещь в себе”, “изначало”» (Ильин, 1930, с. 13), миф и наука видят многое по-разному. И ещё очень большой вопрос, какое именно описание и в каких случаях ближе человеку – мифологическое или научное.

На наш взгляд, любой мифологический образ является многоуровневым. Не всегда схожие понятия воплощают одно и то же явления. Такова характерная черта подлинного мифа. Однако внимательное изучение и обобщение представлений о различных «Древах» – Мировом, Жизни, Смерти и т. п. – показывает их глубинное сущностное единство. По крайней мере, с точки зрения смысловой нагрузки (ось, центральная точка Вселенной) это представляется очевидным, хотя из индоевропейских мифологических источников наиболее или менее целостное и полное представление мы вроде бы имеем только об Иггдрасиле – благодаря сохранившимся текстовым памятникам.

Видный антрополог Ю. Берёзкин, в целом скептически относящийся к утверждениям о широком распространении мифологемы Мирового древа, указывает:

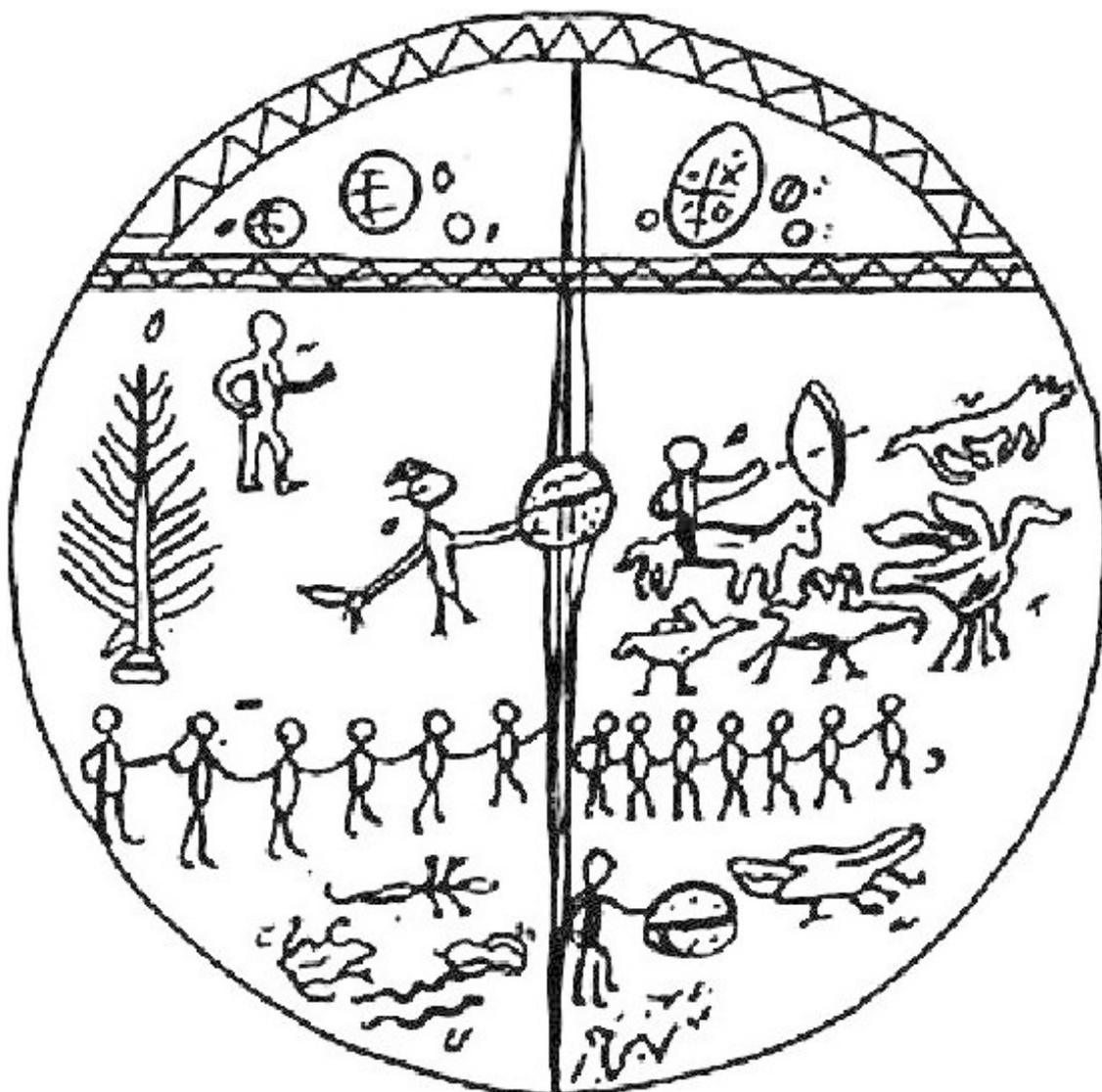
¹ Авторы сознательно оставляют в стороне метафизическую сторону вопроса, полагая, что каждый должен разбираться с нею самостоятельно. Мы вправе лишь обращаться к свидетельствам и источникам, сопоставлять их, по мере сил анализировать и предлагать выводы, которые кажутся нам верными.

«...Мировое древо есть мотив, специфический для Северной Евразии от Скандинавии до Нижнего Амура и отсутствующий в большинстве других регионов планеты. Помимо древних скандинавов, данный образ был определенно известен чувашам, мордве, селькупам, алтайцам, хакасам, якутам, эвенкам, удэгейцам, нанайцам и ульчам. <...> Южная граница области распространения мифологемы мирового древа в Евразии неопределенна. В древних иранских и индийских источниках речь скорее идет о древе жизни, но его расположение на горе рядом с водоемом напоминает образы мифологии поволжских финнов и народов Сибири. Космология центральной и южной Евразии на протяжении многих веков систематизировалась и дорабатывалась религиозными специалистами и ее трудно сравнивать напрямую с финно-угорской и тем более индейской. <...> Ясно одно – во всех евразийских космологиях есть много общих мотивов, конечные истоки каждого из которых обычно трудно определить» (Берёзкин, 2003)².

Разные авторы не раз ставили знак равенства между образами Мирового древа и Мировой горы. Мы всё же в силах проследить присутствие в славянской мифологии и того, и другого архетипов, найти примеры их сочетания (совмещения), различия и проявления.

Незыблемым центром пространства считается Мировой камень, скала Вре́мён, Мировая гора, а у восточных славян – Алатырь-камень. При всей яркости и, казалось бы, интуитивной понятности образа, они не так просты, как может показаться.

² В этой работе автор высказывает несколько замечаний, с которыми мы не согласны, но посчитали ненужным останавливаться на них здесь. Частично они рассмотрены в работе (Ермаков, 2008).

Прорисовка сибирского шаманского бубна. Верхний мир отделён от срединного небесными водами. По центру проходит вертикальная Мировая ось, на ней – шаман с бубном и колотушкой

«...Ни мировое древо, ни мировой столп, ни мировая гора даже по определению не имеют внутреннего пространства. Их основное назначение – представление центральной, опорной конструкции мира. В отличие от них, в реконструированной архаической модели Вселенной существует внутреннее пространство. Помимо центральной опоры, эта модель представляет саму Вселенную как вместилище: в небесной чаше помещаются до-тварные воды, в ядре – божества: творцы и управители, под куполом неба – земной мир» (Терехова, 2007, с. 6).

А вот здесь возможно, стоило бы и поспорить. Внутреннее пространство, скорее, всё же существует у разных проявлений (символов) Мировой оси, но существует скрыто, непроявлено. Иначе то же Древо не могло бы одновременно быть и тем, и другим, и третьим. Своеобразие мифообраза как раз в том и заключается, что он непротиворечиво заключает в себе взаимоисключающие вещи... Именно многогранность делает символ неоднозначно-ёмким. Например: «В особенности лес, со свойственной ему тайной пространства, уходящего в бесконечность за пологом листвы и стволов, пространства, скрытого от взгляда, но прозрачного для действия, является поистине психологическим трансцендентом» (Башляр, 2004, с. 87).

Но зачем нужна Мировая ось?

Естественно, этот образ – следствие, во-первых, развития самой личности человека.

Осмысление человеком Мироздания всегда начинается с одного и того же: «Я хочу кушать (я сыт), мне больно (приятно), мне светло (темно), тепло (холодно)» и так далее. Это ещё не осознаваемые ощущения, скорее – инстинкты. Краски, звуки, разнообразные ощущения чрезвычайно важны, но первичны самые простые потребности и желания.

Ребёнок предельно эгоцентричен, лишь потом, по мере воспитания и научения, его «я» расширяется до пределов семьи или сообщества по роду занятий (интересам). В этом смысле вполне современный малыш отчасти повторяет путь осознания своего места в окружающей действительности народами прошлого.

На каком уровне развития индивидуума начинается абстракция «я существую», сменяющая, «я ощущаю» для нас сейчас не очень важно. Важно, что в этом эгоцентризме заложена в том числе и предпосылка к появлению идеи Центра. **Центра Вселенной. Опоры Мироздания.**

Поцелуй Земли (картина Н. К. Рериха)

Далее мы можем упрощённо считать, что постепенно этот центр-точка на основе опыта развивается в представление об Оси. Вначале выстраивается иерархия центров – как только что было сказано от я-центра к семье-центру, роду-центру и т. п. Человек осознаёт мир по горизонтали. Потом появляется и вертикаль. «Третье измерение». Ось. Тем более, что и окружающее даёт для такого мнения немало оснований – как тех, что становятся вполне очевидными, стоит лишь приложить небольшие мыслительные усилия, так и скрытых, не всегда очевидных. Но главное, конечно же, это видимое вращение мира, в котором живёт человек, вокруг некоей оси, что упирается в Полярную звезду.

Теперь самое время обратиться к собственно мифологическим представлениям о пространстве.

Вселенная древних славян

Хаос превращается в Космос. – Право и лево. Верх и низ. – Мир людей и Иномирье. – Явь, навь, правь и кощное царство.

Древнейшее ощущение пространства, переданное в зачине одной из былин:

«Высота ли, высота поднебесная!
глубота, глубота – акиян-море!
Широко раздолье по всей земли!»

В традиционном миропонимании окружающая действительность вне человека и даже отчасти богов воспринимается как некий Хаос (греч. *chaos* < *chainō* – «разверзаюсь»). В мифологических представлениях Хаос – зияющая бездна, наполненная туманом и мраком, неорганизованная стихия, из которой впоследствии образовалось всё существующее.

Этот хаос существует изначально, а смысл появляется в нём лишь тогда, когда боги (или Бог), выделив себя из хаоса и отделив себя от него границей, начинают творение собственно Мира, Космоса, привносят порядок в изначальное нечто, обустроивая часть «неоформленного» мира. Космогонические мифы об упорядочении сущего путём отделения света и тьмы, земли и воды и т. п. хорошо известны.

В дальнейшем хаос и порядок сосуществуют в едином пространстве Вселенной, и это обстоятельство в немалой степени определяет взаимоотношения человека со средой, в которой он обитает.

Например, поселение обычно мыслится как некая обустроенная в космическом смысле часть мира, «островок порядка». Тогда линией раздела между хаосом и космосом служит граница поселения – околица, городская стена и т. д. То же справедливо и на уровне одного дома (двора), и на уровне большей части пространства – например, в упорядоченную область включаются поля, а со временем и вся территория, занятая родом, племенем, народом – так вплоть до государственных границ³. Эта священная иерархия организации пространства прослеживается на различных созданных или обустроенных человеком уровнях по принципу «что внизу, то и наверху». «Освоение пространства осознается гораздо раньше, чем времени. Это может быть подтверждено многими аргументами. Исследователями замечено, что древний человек жил эмпирическим настоящим временем, данное явление получило название “презентизма первобытного мышления”... Уже освоив определенную территорию обитания, он все еще продолжает жить в настоящем времени. <...> Освоив пространство, человек отчуждает остальной мир, не без оснований отличая его от освоенного <...> Поначалу смерть была пространственным переходом в “чужой” мир, одновременно это было переходом в иное состояние. Точно так же последовательность статусных переходов из одного состояния в другое имела первоначально пространственный смысл (переселение из одной хижины в другую при созревании, создании семьи и т. п.), затем получила осмысление в качестве временных этапов (рождение, созревание, брак, старость, смерть). <...> Освоенное пространство иерархически организовывалось концентрическими кругами вокруг центра мира, символизировавшегося камнем, столбом, а чаще всего мировым деревом, обозначающим мировую ось, которая связывала землю

³ Читатели, знакомые с зоологией, могут припомнить, что у многих животных также известна привычка устанавливать (помечать) границы охотничьих территорий, своего рода территорию. Нарушители границ преследуются, их стремятся изгнать и т. п. На протяжении многих лет чрезвычайно велик соблазн провести прямую параллель между такими границами и границами, проведёнными человеком. Понимаем, что нас можно упрекнуть в чрезмерном биологизме, но опровергнуть это предположение тоже пока не удаётся...

и небо. Аксиологическая иерархия строилась от максимальной, абсолютной ценности мирового центра до границ-пределов освоенной территории, за которой начинался анти-мир, отождествляемый с миром смерти, загробным царством, миром антиценности со своей иерархией и центром абсолютного зла» (Пивоев, 1991, с. 76–77).

При этом исследователи неоднократно обращали внимание на то, что освоение и, следовательно, осмысление пространства происходит вначале в горизонтальной плоскости, а только потом уже в вертикальной. Это позволяет строить различные предположения о древности появления образа оси, которые будут весьма противоречивы в зависимости от личных пристрастий исследователей.

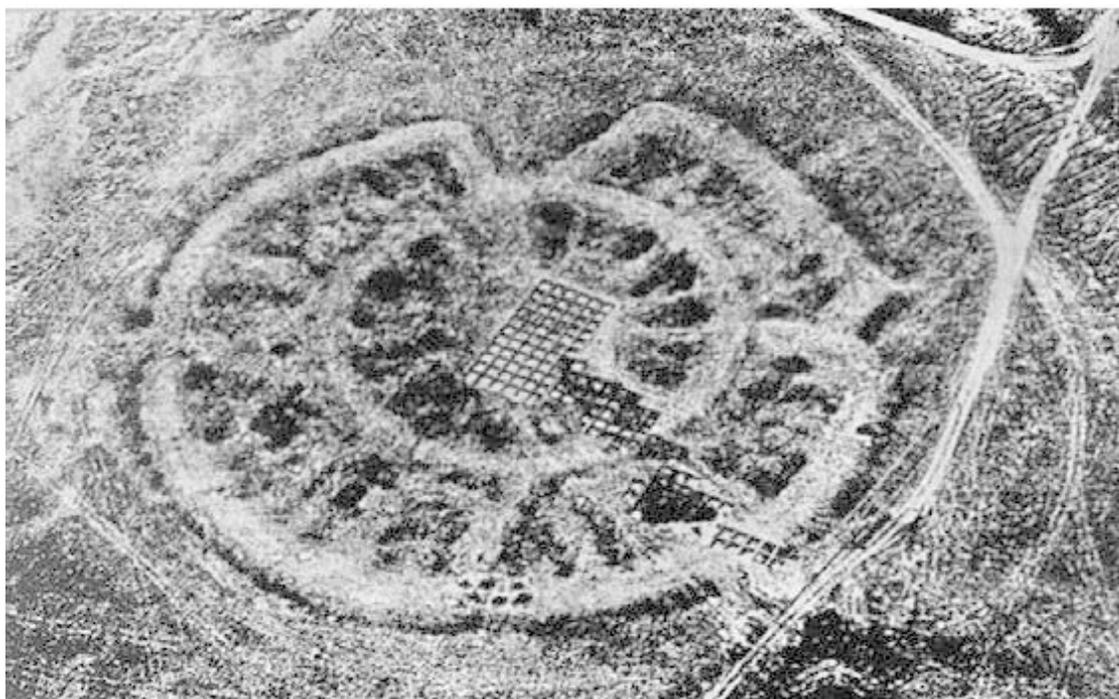
Выделяются и складываются представления о благоприятных и неблагоприятных направлениях (сторонах): «...Правое полупространство ассоциируется с правильностью, истиной, логичностью, ясностью, посюсторонним светлым миром, добром, рациональным началом. Левое полупространство наделяется противоположными свойствами, являясь областью неправомерности, ложности, местом нахождения потустороннего темного мира, иррациональных сил, местом пребывания демонов и стихий, не поддающихся обычному рациональному управлению и требующих для контакта с ними специально ритуализованных психических и поведенческих приемов... Соответствующие знаковые ассоциации зафиксированы в языковых формах многих народов мира (ср.: “правое дело”, но “левые доходы”; sinister (англ.) – дурной, зловещий, но right – правый, справедливый и т. д.). Учитывая особую чуткость первобытного человека к движениям собственного психического мира, а также тенденцию приписывать своим внутренним состояниям свойства объективности, можно с определенными основаниями связать эту семиотическую пространственную символику с асимметрией мозга» (Зенков, с. 231–232).

Южный Урал. Аркаим – город-обсерватория, город-святилище бронзового века, возведённый одной из ветвей арийских племён. Вид с высоты птичьего полёта. Он тоже возведён по «классической» схеме, или образцу Вселенной: центр и концентрические круги. Многие считают строителей Аркаима прямыми предками славян, хотя никаких научных доказательств тому нет. Не считать же доказательство факт его обнаружения на территории нынешней России! Впрочем, адептов этой версии не переубедишь...

Даже появлений представлений о четырёх направлениях (сторонах света) и центре оказывается не в силах изменить качественную оценку этих категорий.

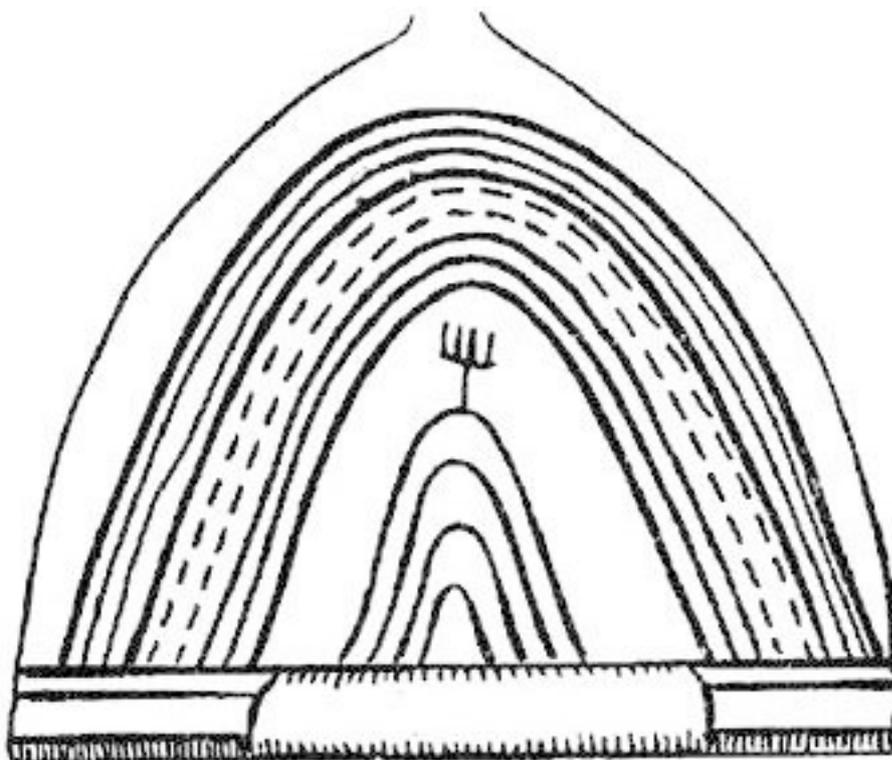
Слово «пространство» (др. – русск. «*пространство*») встречается в источниках, начиная с XI века. Скорее всего, образ пространства в древнейшей культуре развивается постепенно, но, как и сегодня оно, наряду со временем становится неотъемлемой частью традиционной мифологии и картины мира. Само понятие пространства – протяжённость, место, не ограниченное видимыми пределами, видимо, несколько изменялось в течение веков. С точки зрения этимологии русское слово родственно словам со значением «расстилать», «рассыпать», «грудь» и т. п. (Фасмер). И. И. Срезневский приводит следующие значения: «1) простор; 2) площадь; 3) громадность, великость; 4) приволье и т. д.».

Ещё один вид Аркаима. Здесь более чётко видна его центральносимметричная планировка и территория, вскрытая в ходе археологических раскопок

Вопреки кажущейся простоте и очевидности, понятие пространства в прошлом, как и сегодня, отнюдь не столь однозначно, как может показаться на первый взгляд.

Пространство неоднородно. Освоенные и обитаемые территории и в самом деле лучше всего сравнить с островками в опасном и сложном мире. Человек, поступая так же, как действовали в начале времён боги, по мере сил участвует в обустройстве этого враждебного мира. Он прокладывает дороги, которые связывают между собою поселения и особые священные места. Последние выступают своего рода «точками отсчёта» в пространстве, которое осваивает человек, «реперами», воплощениями Центра Мира в данной точке.

Изображение Вселенной, в том числе нескольких небес, Мировой горы и Мирового древа на ней. Эпоха неолита. Средиземноморье (по В. Евсюкову)

«Первоначально “центром”, местом, где возможен прорыв уровней, является всякое священное пространство, то есть всякое место, где возможны иерофании и где проявляются реальности (силы, Образы и т. п.) не нашего мира, а происходящие еще откуда-то, прежде всего с Неба. Идея “центра” возникла из опыта священного пространства, насыщенного сверхчеловеческим присутствием: именно в этом месте проявилось нечто сверху (или снизу). Позже возникло представление, что проявление священного само по себе означает прорыв уровней» (Элиаде, 1998).

Каждая часть пространства обладает, если можно так выразиться, некой долей самостоятельности, населена своими видами живых существ. Лишь центр является общим для всей их совокупности.

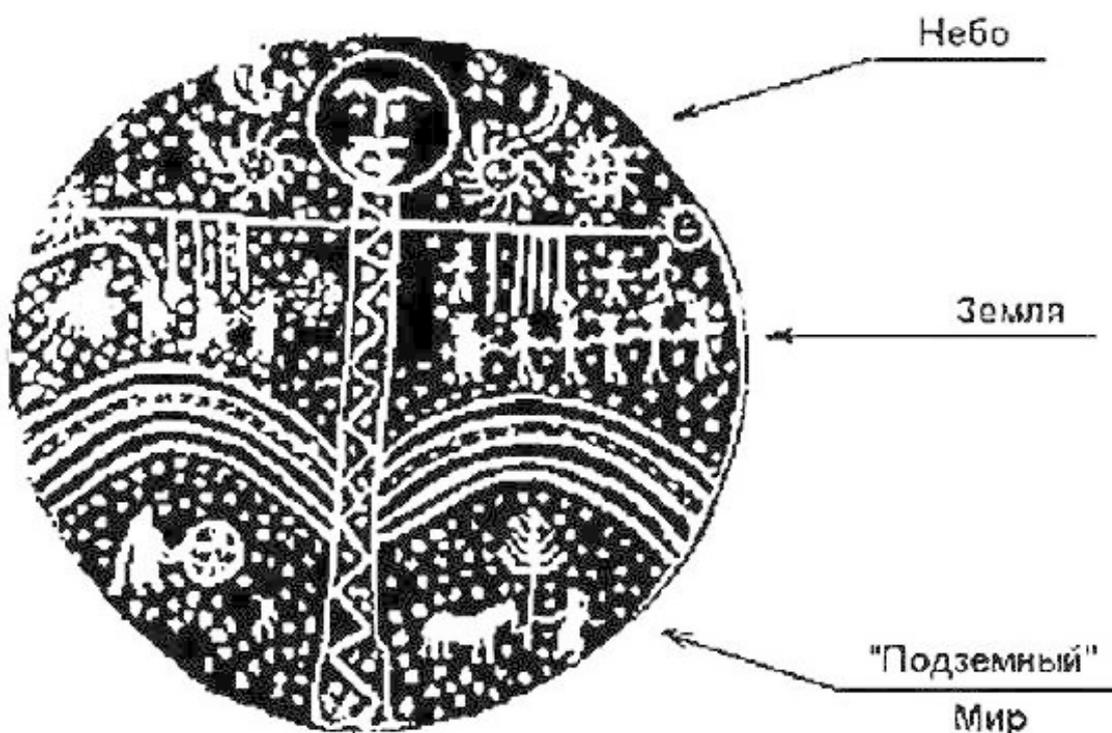
«Такое пространство может быть описано как ряд вложенных друг в друга изоморфных и изофункциональных локусов, моделирующих, в конечном счете, центральный для всех этих локусов объект, который выполняет в ритуально-мифологической традиции роль мирового центра (мировое дерево, мировая гора, храм, город и т. п.)» (Байбурин, 1977).

Древнейший обычай не очень различает «вертикаль» и «горизонталь». Они словно бы смыкаются где-то там, в далёком далеке, в «тридевятом царстве». И тогда дойти в Нижний мир можно, не спускаясь в некую яму, но просто двигаясь на закат или за море, куда простирается и Навий шлях (то есть Млечный Путь). Нижний мир в представлениях славян нередко соединяется с Верхним, а Ирий, где обитают души усопших, пребывает за морем, но одновременно предстаёт и как Верхний, и как Нижний мир.

Действительно, древние считали, что Вселенная разделена по меньшей мере на три уровня: мир Срединный, мир Нижний и мир Верхний. Их описания могут несколько различаться (а проявления во многом зависят от географических условий), однако общие черты присутствуют в представлениях всего населения, например, Евразии в такой степени, что невольно хочется, перефразируя следующее высказывание: «Мы не исключаем возможности, что мно-

жество мифологем, содержащихся в одном произведении искусства, есть результат распада одной прамифологемы, пока недоступной исследованию» (Бурштейн, Левит, 1985), сказать – **мы не исключаем возможности того, что множество мифологем Евразии действительно восходит к единой изначальной мифологеме**. Впрочем, вопрос о мере доступности её для исследования сейчас не входит в область нашего внимания.

Пространство неоднородно не только в горизонтальной плоскости, но и «по вертикали». Можно сказать, пространство словно бы скручено, замкнуто само на себя и в то же время самопроницаемо. Иначе говоря, оно обладает внутренним вращением, движется относительно центра Мира или относительно культурного героя или его водчехо-Бога (Богини-проводницы). По ряду признаков и прямых указаний можно сделать вывод, что точки перехода между мирами обычно тесно связаны с Мировым деревом, ствол которого отождествляется с Мировой осью, и почитаются как особые священные места. Проявления точек могут быть различны, но между ними всегда будет обнаруживаться нечто общее.

Ещё один вариант изображения трёхуровневой Вселенной на шаманском бубне. Не менее выразительна и Мировая ось, которая здесь явно человекоподобна. Вообще всё изображение довольно прозрачно для внимательного зрителя и легко «прочитывается»

Срединный мир доступен смертным, он им даже в некотором роде принадлежит, люди осваивают его и несут за него ответственность. Он им понятен и привычен. А вот с мирами «Нижним» и «Вышним» не всё так просто. Это иные части Вселенной, **Иномирье**.

Иномирье – слово загадочное. Оно привлекает внимание любого человека, равнодушного к загадкам нашего мира. Но что такое «иномирье» с точки зрения русского обычая? Пойдём от обратного – обратимся собственно к понятию «Мир». Синонимами к слову «мир» в современном русском языке являются «свет», «вселенная», «земля», а в более раннее время «этот (белый) свет», «явь» (или исторический аналог этого понятия). Всё это – воплощения видимого мира (отсюда «ходить/бродить по свету» «видать на свете»).

В языческом понимании понятие «свет» многозначно, оно связано и с богами высшего мира, а через это – с истиной, правдой, порядком, очевидностью. Согласно «Голубиной книге»,

Свет произошёл от Божьего Суда. Кроме того, по некоторым преданиям о сотворении мира, Свет наряду с Тьмой выступают как – две первоосновы Творения⁴

⁴ Их, видимо, можно осторожно попробовать сопоставить с Белобогом и Чернобогом, известными по ряду первоисточников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.